

Научная статья
УДК 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2024.4.11

Original article

НИКИШИН Владислав Васильевич
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: v.v.nikishin@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4496-367X>

NIKISHIN Vladislav Vasilievich
St. Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

ИНСТИТУТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

THE INSTITUTION OF LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES: SYSTEMIC DEFICIENCIES AND
JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. Комплексный характер института ответственности за экологические правонарушения определяется отраслевой принадлежностью норм, регулирующих такие отношения. Игнорирование системных правил конструирования структурных элементов этого института снижает эффективность основных сущностных функций ответственности. Необходим надлежащий анализ соотношения публичных и частных основ правового регулирования отношений в сфере ответственности за вред, причиненный окружающей среде, а также оценка возмещения экологического вреда в качестве субинститута, выходящего за рамки гражданского права, с учетом особых свойств природных ресурсов как публичных благ. Цель статьи: оценить эволюцию концептуальных позиций и законодательных изменений института ответственности за экологические правонарушения. Методы: диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, историко-правовой, формально-юридический. Результаты: выявлены системные недостатки конструирования структурных элементов института ответственности за экологические правонарушения, определены пути их преодоления.

Ключевые слова: экологическое законодательство, правонарушение, юридическая ответственность, окружающая природная среда, природные ресурсы, экологический вред

Для цитирования: Никишин В.В. Институт ответственности за экологические правонарушения: системные недостатки и судебная практика / В.В. Никишин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.4.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4. – С. 95–105.

Abstract. The complex nature of the institution of liability for environmental offenses is determined by the sectoral affiliation of the norms governing such relations. Ignoring the systemic rules of constructing the structural elements of this institution reduces the effectiveness of the main essential functions of liability. There is a need for a proper analysis of the correlation between public and private foundations of legal regulation of relations in the area of liability for environmental damage. There should also be an assessment of compensation for environmental damage as a sub-institution beyond civil law, taking into account the special properties of natural resources as public goods. Purpose: to assess the evolution of conceptual positions and legislative changes in the institution of liability for environmental offenses. Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, historical-legal, formal-legal. Results: the article reveals systemic deficiencies of constructing the structural elements of the institution of liability for environmental offenses and it identifies ways to overcome them.

Keywords: environmental legislation, offense, legal liability, environment, natural resources, environmental damage

For citation: Nikishin V.V. The Institution of Liability for Environmental Offenses: Systemic Deficiencies and Judicial Practice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4, pp. 95–105. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.4.11.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно сущность юридической ответственности за экологические правонарушения авторам учебников по экологическому праву виделась в «неблагоприятных последствиях, наступающих для нарушителя», когда реализуется государственное принуждение к исполнению экологических требований [1, с. 373]. Такое восприятие ответственности, хотя и самое распространенное в учебной литературе, зачастую признавалось неполным. Неслучайно говорилось о том, что нормы, устанавливающие уголовную и административную ответственность за экологические правонарушения, «по своей природе являются обеспечивающими действие позитивного правового регулирования»¹.

Признавая опасность экологических правонарушений, специалисты в то же время указывали на существование устойчивых традиций «решать многие вопросы, вводя ответственность, и зачастую достаточно жесткую, за совершение тех или иных правонарушений, поскольку легче что-нибудь запретить, чем создать позитивную норму, упорядочивающую поведение, дешевле использовать угрозу наказания, чем обеспечить экономические, социальные и материальные условия для реализации экологических требований» [2, с. 509].

Предлагалась и более объемная конструкция института ответственности за экологические правонарушения, основанная на методе кнута и пряника – наказания за экологические правонарушения и поощрения желаемого экологически значимого поведения адресатов правовых норм. Ко всему прочему, такая конструкция в большей степени коррелировала с официально признанной российским государством концепцией устойчивого развития, предполагающей новый тип существования и развития мировой цивилизации при «оптимальном управлении не только природно-ресурсным потенциалом, но и всей социокультурной сферой» [3, с. 40–41].

И по сей день правоприменителям приходится решать перманентно возникающие проблемы, связанные с несовершенством нормативно-правового регулирования отношений

ответственности, что во многом определяется не только концептуальными недостатками правотворчества, но и порой отсутствием системного подхода к конструированию структурных элементов института ответственности за экологические правонарушения, обладающего несомненной спецификой.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА КОНСТРУИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОМПЛЕКСНОГО ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Любые конструкции юридической ответственности, отличные от обычных, постоянно подвергаются критике. Так, авторы комментария к Лесному кодексу РФ отмечают, что при широком понимании ответственности теряется юридическая специфика этого термина, и соглашались с тем, что смешение понятий юридической (ретроспективной) и позитивной (проспективной) ответственности мало что дает в научном и практическом отношении².

До сих пор имеются разногласия, касающиеся содержательного анализа категории «ответственность за экологические правонарушения». Если ранее критике в основном подвергались подходы доктринального свойства (юридическая ответственность не требует применения мер государственного принуждения; юридическая ответственность отождествляется с мерами защиты прав природопользователей) [4, с. 37–40], то современные дискуссии о сущности этого феномена продолжают в части признания юридической ответственностью мер по ограничению, приостановлению или прекращению деятельности лиц, осуществляющих экологически значимую деятельность. При этом указывается, что приостановление деятельности является видом административных наказаний (ст. 3.12 КоАП) и может применяться, например, за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления (ст. 8.2 КоАП) [5, с. 34].

Если одни авторы считают приостановление, ограничение, прекращение экологически

¹ Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» / под ред. О.Л. Дубовик // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Научно-практический комментарий к Лесному кодексу Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ / Н.А. Агешкина и др. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

опасной хозяйственной деятельности мерами ответственности «за нарушение любого требования в области охраны окружающей среды» [6, с. 149], то другие рассматривают их как меры государственного принуждения, направленные на предотвращение причинения экологического вреда в будущем [7, с. 309]. Кроме того, делаются выводы о том, что эти меры не отвечают и признакам мер гражданско-правовой ответственности, выступают «превентивными гражданско-правовыми санкциями», а их применение должно осуществляться в рамках «охранного гражданско-правового обязательства» [8, с. 8].

Следует напомнить о «классических» правилах конструирования структурных элементов комплексного института ответственности за экологические правонарушения. Традиционно в правовой теории и законодательной практике выделялись следующие виды юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, материальная и дисциплинарная, которые в системном взаимодействии должны были выполнять основные сущностные функции: репрессивную (карательную), восстановительную (компенсационную), предупредительную (превентивную).

Каждый вид ответственности признавался самостоятельным («независимым»), когда виновное за одно и то же правонарушение лицо нельзя привлекать к определенному виду ответственности дважды, но возможно одновременное привлечение лица к различным видам ответственности, за исключением уголовной и административной. Физические лица привлекались ко всем перечисленным видам ответственности, юридические могли быть привлечены только к административной и гражданско-правовой ответственности. Об этом говорилось в ст. 81 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», которая предусматривала правило: за совершение экологических правонарушений «должностные лица и граждане несут дисциплинарную, административную либо уголовную, гражданско-правовую, материальную, а предприятия, учреждения и организации – административную и гражданско-правовую ответственность»³.

³ Вестник Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 10, ст. 457.

Выделялись и специальные субъекты ответственности. К примеру, для привлечения к дисциплинарной ответственности за экологические правонарушения требовалось наличие обязательного условия в виде осуществления профессиональной деятельности, связанной с использованием природных ресурсов или оказанием воздействия на окружающую среду [2, с. 539], хотя предполагалось, что такая ответственность наступает не за причинение вреда окружающей среде, а за невыполнение или ненадлежащее выполнение работником своих трудовых функций, связанных с использованием или охраной окружающей природной среды [9, с. 143].

Если основанием для привлечения виновного лица к административной ответственности являлось совершение им общественно вредного деяния (экологического проступка), то для привлечения к уголовной – общественно опасного деяния (экологического преступления).

Подобные правила во многом диктовались отраслевой принадлежностью норм, регулирующих вышеперечисленные виды ответственности, и применялись с особенностями, присущими соответствующим отраслям права, среди которых публично-правовые и частноправовые, имеющие различные цели и методы правового регулирования. Именно эти обстоятельства в большей степени определяли отсылочный характер правовых норм об ответственности за экологические правонарушения в период действия закона «Об охране окружающей природной среды», содержащего легальное определение термина «экологическое правонарушение», который являлся родовым для выявления понятия и признаков его «подотраслевых» разновидностей – земельных, водных, лесных правонарушений и т. п.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

С принятием закона «Об охране окружающей среды» ситуация поменялась: в нем отсутствует определение термина «экологическое правонарушение», за нарушение зако-

нодательства в области охраны окружающей среды устанавливается уголовная, административная, имущественная и дисциплинарная ответственность, хотя отсылочный характер правовых норм об ответственности за экологические правонарушения сохранился⁴.

Заметим, что в отношении видов ответственности за экологические правонарушения текущая позиция законодателя не отличается последовательностью: действующий Федеральный закон «Об экологической экспертизе», входящий в систему российского экологического законодательства, не только называет в качестве разновидностей ответственности «традиционные» – уголовную, административную, материальную, гражданско-правовую, но и в отличие от большинства российских законодательных актов, содержащих отсылочные нормы об ответственности за экологические правонарушения, перечисляет виды соответствующих нарушений законодательства, причем делает это в отношении заказчиков документации, подлежащей экологической экспертизе, и заинтересованных лиц, руководителей федерального органа исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, руководителей экспертных комиссий государственной экологической экспертизы, руководителей экспертной комиссии экологической экспертизы и экспертов экологической экспертизы, должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, кредитных организаций, их должностных лиц, иных юридических лиц, граждан⁵.

Путаницу вносят и положения Земельного кодекса РФ, которые в нарушение «классических» правил предполагают зависимость одного вида юридической ответственности от другого в отношении разных субъектов: должностные лица и работники организации несут дисциплинарную ответственность в случаях, «если организация понесла административную ответственность за проектирование, размещение и ввод в эксплуа-

тацию объектов, оказывающих негативное воздействие на земли, их загрязнение химическими и радиоактивными веществами, производственными отходами и сточными водами»⁶. Хотя, по мнению авторов комментария к Земельному кодексу РФ, оперативность, простота и наглядность применения дисциплинарной ответственности дают ей преимущества перед иными формами юридической ответственности, предполагают ее более частое и эффективное применение⁷.

Верны замечания специалистов о том, что градация экологических правонарушений по степени тяжести должна осуществляться не за счет различий в наименовании видов ответственности, а по признакам, отражающим «степень причинения вреда природе, и по тяжести санкций, связанных с лишением или ограничением прав лица, нарушившего закон» [10, с. 63]. Нет сомнений и в том, что основным мотивом для привлечения лица к ответственности за экологические правонарушения должно стать, прежде всего, восстановление нарушенного состояния окружающей природной среды.

Признак «экологичности» таких правонарушений остается определяющим, когда в качестве первичного объекта (предмета) посягательства выступают окружающая природная среда, ее взаимосвязанные компоненты и системные природные образования, а в качестве вторичного – жизнь, здоровье физических лиц, имущество физических и юридических лиц, публичных образований. Неслучайно законом предусматривается возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан «негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц».

Подобные установления, наряду констатацией необходимости «особых» правил возмещения вреда природным объектам, находящимся в публичной собственности, позволяют рассуждать об ответственности за экологические правонарушения или об

4 Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ, ст. 75 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.

5 Об экологической экспертизе : Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ, ст. 30–34 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 4556.

6 Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ, ст. 75 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44, ст. 4147.

7 Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Боголюбов С.А. и др. ; под ред. С.А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 261.

эколого-правовой ответственности как самостоятельных видах юридической ответственности [11, с. 231; 12, с. 36], что вызывает ответные, порой убедительные, возражения [13, с. 118–122].

Различия же в первичных и вторичных объектах (предметах) экологических правонарушений принципиальны. Так, законодательство предполагает наряду с возмещением вреда, причиненного «лесам как экологической системе», еще и возмещение «имущественного вреда, причиненного лесным участкам и имущественным правам, возникающим при использовании лесов»⁸. Согласно позиции Конституционного Суда РФ в тех случаях, когда лес рассматривается как экосистема, проявляются черты «особой экологической ответственности», если же речь идет о лесе как природном ресурсе, то реализуется «компенсаторная функция, выполняемая гражданским законодательством». При этом ущерб, причиненный экологическим правонарушением, включает: экологический вред окружающей среде, социальный вред (вред, причиняемый здоровью человека), экономический вред (вред имуществу, находящемуся в частной или публичной собственности)⁹.

Не следует забывать и об «отраслевой» дифференциации видов ответственности, определяющей субъектный состав правонарушителей. Показательно, что современные представления о субъектном составе лиц, привлекаемых к ответственности за экологические правонарушения, меняются. К примеру, обсуждается необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений [14; 15, с. 333], считается, что введение в уголовное законодательство подобной нормы может улучшить практику правоприменения [16, с. 61].

⁸ Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 № 200-ФЗ, ст. 100 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50, ст. 5278.

⁹ По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П, п. 3.1 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24, ст. 3547.

Наряду с этим обсуждается целесообразность одновременного привлечения к ответственности юридического лица и его работника за аналогичное правонарушение [17, с. 126], высказываются мнения о том, что практика применения к публичным образованиям административных штрафов за нарушения земельного и экологического законодательства, «не будучи соответствующей закону», не способствует достижению цели применения этого административного наказания [18].

Соответствующее видам ответственности за экологические правонарушения отраслевое законодательство (уголовное, административное, гражданское, трудовое и т. д.) не отражает, да и не должно отражать особенности объектов (предметов) экологических правонарушений, как и особенности вреда, причиненного окружающей природной среде. Отмечается, что любое законодательство, кроме экологического, не учитывает возможности восстановления разрушенных экосистем, трансграничный характер распространения возникающих неблагоприятных последствий, высокую латентность последствий правонарушений и др. [19, с. 55].

Это касается и попыток обоснования иных видов ответственности за экологические правонарушения, например конституционной, которую несет публичная власть, обязанная «принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков»¹⁰ и регулируемой, по мнению М.М. Бринчука, федеральными законами «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1, с. 389–390].

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Если ранее возникали сложности, связанные с характерными «отраслевыми» осо-

¹⁰ Там же. П. 2.

бенностями применения норм об ответственности за экологические правонарушения, то теперь добавилась неопределенность с отраслевой принадлежностью норм, устанавливающих имущественную ответственность. Мнения же об отнесении мер ответственности, состоящих в неблагоприятных имущественных последствиях, наступающих для нарушителя экологических требований, к той или иной отрасли права существенно различаются.

Конституционный Суд РФ полагает, что специфической чертой имущественной ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды является то, что «вред как необходимое условие состава правонарушения причиняется не имуществу конкретного лица, а окружающей среде», а его возмещение направлено в первую очередь на «восстановление нарушенного состояния окружающей среды в максимально возможной степени»¹¹.

Верховный Суд РФ фактически отождествляет гражданско-правовую и имущественную ответственность за вред, причиненный окружающей среде, полагая, что она может возникать «в результате нарушения договора в сфере природопользования (например, договора аренды лесного участка), а также в результате внедоговорного (деликтного) причинения вреда»¹², и в своих решениях предлагает считать возмещение вреда, причиненного природным объектам, «имущественной ответственностью, предусмотренной гражданским законодательством, основанной на фактических затратах на восстановление нарушенного состояния окружающей среды и денежной оценке потерь экологического ха-

рактера, связанных с утратой или повреждением компонентов природной среды»¹³.

Заметим, что проблема разграничения гражданско-правовой и имущественной ответственности за вред, причиненный окружающей среде, существует не только в национальном правовом порядке. Процесс «размежевания» механизмов классической гражданско-правовой ответственности в форме деликтных обязательств и ответственности за причинение экологического вреда присущ и природоохранному законодательству европейских государств, когда принцип вины заменяется принципом ответственности, при которой сам факт обладания объектом, негативно воздействующим на окружающую среду, или осуществления деятельности по его эксплуатации может повлечь возникновение обязательства по возмещению вреда независимо от вины причинителя [20, с. 64].

Российские исследователи указывают, что ввиду схожести правовых механизмов отношения по возмещению вреда окружающей среде зачастую относят к гражданско-правовой ответственности, которая тем не менее не тождественна имущественной [21, с. 122]. Одни специалисты, ссылаясь на межотраслевой характер правового регулирования, лишь подчеркивают специфику возмещения экологического вреда в рамках «базовой гражданско-правовой конструкции», другие утверждают, что отнесение норм о возмещении экологического вреда к институту гражданско-правовой ответственности искажает их действительную цель и значительно ограничивает возможности модификации этого юридического инструмента [22, с. 66].

Высказываются идеи о целесообразности рассматривать возмещение экологического вреда как институт, выходящий за рамки гражданского права, обосновывается выделение «эколого-правовой ответственности» как самостоятельного вида юридической ответственности применительно к случаям возмещения (компенсации) такого вреда, поскольку

11 По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П, п. 3.1 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24, ст. 3547. П. 3.

12 О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, п. 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

13 Об отказе в признании недействующим пункта 22 Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утв. приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 13 апреля 2009 г. № 87: решение Верховного Суда РФ от 21.12.2011 № ГКПИ11-1934 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ку вред может возмещаться в повышенном размере с учетом ближайших и отдаленных последствий его проявления [23]. Говорят и о «специальной ответственности за экологические правонарушения» в случаях нарушения лицензионного соглашения при пользовании участком недр, «отмежевывая» ее от гражданско-правовой [24, с. 346].

Если же рассматривать возмещение экологического вреда как институт, выходящий за рамки гражданского права, и оценивать перспективы выделения эколого-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, регулируемой именно экологическим правом, то придется не только признать безусловную самостоятельность, «самоидентичность» экологического права, включая его природоресурсные подотрасли, но и определить возможности правотворчества субъектов Российской Федерации в этой сфере: согласно ст. 71–72 Конституции РФ, если гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации, то в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды.

Современное природоресурсное законодательство зачастую использует «традиционные» нормы института гражданско-правовой ответственности. Это в подавляющем большинстве случаев происходит в рамках договорных отношений, складывающихся в процессе природопользования, оказания экологических услуг, когда требуется защита прав лиц – участников таких отношений – с помощью гражданско-правового инструментария. В частности, отмечается, что категория «убытки» применима к отношениям по поводу земли в значении природного ресурса, используемого как средство производства в сельском и лесном хозяйстве, то есть как основа осуществления хозяйственной и иной деятельности, а также по поводу земельного участка как недвижимого имущества [21, с. 123–124]. Эти положения характерны и для других природных компонентов.

Но и такие договорные отношения имеют существенные особенности правового регулирования, определяемые специфическими

свойствами объектов, по поводу которых они складываются. К примеру, стороны договора водопользования несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств «в соответствии с гражданским законодательством», хотя к договору водопользования применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, если иное не установлено Водным кодексом РФ и «не противоречит существу договора водопользования»¹⁴.

Необходимо видеть различия между носящей имущественный характер ответственностью за причинение вреда окружающей природной среде и ответственностью за вред, причиненный имуществу контрагентов в договорных отношениях с использованием природных ресурсов, когда порядок и условия ответственности регулируются гражданским законодательством [2, с. 540]. На этом акцентируют внимание суды, полагая, что «в силу комплексного характера ответственности за экологическое правонарушение основанием для освобождения причинителя вреда от ответственности является как возмещение причиненного вреда в полном объеме, так и отсутствие в совокупности условий наступления деликтной ответственности»¹⁵.

Подвергается сомнению позиция в отношении использования «принципа объективной ответственности» за вред, причиненный окружающей среде источником повышенной опасности, при отсутствии факта противоправной деятельности и предлагается отказаться от концепции «безвиновной ответственности» [25, с. 201–202]. Симптоматично, что «презумпцию виновности» рекомендуется внедрить и в практику применения законодательства об административной ответственности за экологические правонарушения (гл. 7–8 КоАП РФ) [26]. Полагаем, что в случаях причинения вреда окружающей среде источником повышенной опасности следует говорить о «презумпции виновности» лица, деятельность которого

¹⁴ Водный кодекс РФ от 03.06.2006 № 74-ФЗ, ст. 12, 18 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 23, ст. 2381.

¹⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда от 15.07.2015 по делу № 33-4507/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

связана с повышенной опасностью для окружающих: юридические лица и граждане обязаны возместить причиненный вред, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Надлежит помнить о том, что использование, вовлечение в гражданский и хозяйственный оборот природных ресурсов не умаляет их качеств публичных благ. К одному из основных принципов правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности – принципу приоритета публичных интересов – судебная практика обращается постоянно¹⁶. К примеру, судами признается, что нахождение земельного участка в собственности лица, деятельность которого привела к загрязнению или иной порче земельного участка, не может служить основанием для освобождения от обязанности привести земельный участок в первоначальное состояние и возместить вред, причиненный окружающей среде¹⁷; деятельность по антропогенному воздействию на почвенный покров земель сельскохозяйственного назначения свободным усмотрением землепользователя не определяется¹⁸.

Именно по этой причине право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, обеспечивается в том числе «путем правильного применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»¹⁹. В таком контексте весьма показательны позиции Конституционного Суда РФ: во-первых, при регулировании вопросов, касающихся гражданско-правовой и публично-правовой (в том числе административной и уголовной) ответственности, законодатель обязан исходить не только из публичных интересов государства, но и из частных интересов физических и юридических лиц как субъектов

гражданских правоотношений; во-вторых, возмещение вреда, причиненного природным компонентам, должно соответствовать принципам справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности; в-третьих, обязанность возместить причиненный вред должна возникать безотносительно к тому, являются ли противоправные действия (бездействие) уголовно наказуемым деянием, административным правонарушением либо нарушением непосредственно природоресурсного законодательства²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ эволюции концептуальных позиций и законодательных изменений института ответственности за экологические правонарушения позволяет сделать ряд выводов.

1. Отраслевая принадлежность норм, регулирующих различные виды ответственности за экологические правонарушения, определяет особенности их применения в силу присущих им публично-правовых и частноправовых начал, целей и методов правового регулирования.

2. Основные сущностные функции ответственности за экологические правонарушения (репрессивная, компенсационная, превентивная) могут быть эффективно реализованы только в системном взаимодействии всех структурных элементов этого комплексного института.

3. Текущая позиция законодателя в отношении видов ответственности за экологические правонарушения не отличается последовательностью: нормами природоохранного и природоресурсного законодательства предусматриваются различные перечни видов ответственности, относимых к отдельным отраслям российского права.

4. Игнорирование «классических» правил конструирования института юридической ответственности приводит к системным нарушениям: предполагается зависимость одного вида юридической ответственности от другого в отношении разных субъектов (ст. 75 Земельного кодекса РФ).

20 Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П, п. 3.2.

¹⁶ Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда по делу № 33-4507/2015.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49, п. 5.

¹⁸ Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда по делу № 33-4507/2015.

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21, п. 1.

5. Определяющим признаком экологических правонарушений продолжает оставаться причинение вреда первичным (окружающая природная среда, ее взаимосвязанные компоненты и системные природные образования) и вторичным (жизнь, здоровье физических лиц, имущество физических и юридических лиц, публичных образований) объектам, основным мотивом для привлечения лица к ответственности – их восстановление.

6. Обращение природоресурсного законодательства к «традиционным» инструментам гражданско-правовой ответственности осуществляется в отношениях, обладающих существенными отличиями правового регулирования, определяемыми особыми свойствами природных ресурсов как публичных благ.

7. В случаях причинения вреда окружающей природной среде источником повышенной опасности следует использовать конструкцию «презумпции виновности» лица, деятельность которого связана с повышенной опасностью для окружающих.

8. Оценка возмещения экологического вреда в качестве субинститута, выходящего за рамки гражданского права, и признание эколого-правовой ответственности в качестве отдельного вида ответственности за экологические правонарушения потребуют утверждения единства и безусловной самостоятельности отрасли экологического права (включая природоресурсные подотрасли), определения соответствующих возможностей правотворчества субъектов Российской Федерации.

9. В отношении ответственности за экологические правонарушения должны обеспечиваться:

- приоритет публичных интересов в случаях причинения вреда первичным объектам посягательства (окружающая природная среда, ее взаимосвязанные компоненты и системные природные образования);

- баланс публичных и частных интересов в случаях причинения вреда вторичным объектам посягательства (жизнь, здоровье физических лиц, имущество физических и юридических лиц, публичных образований).

Список источников

1. Бринчук М.М. Экологическое право : учебник / М.М. Бринчук. – 4-е изд. – Москва : Эксмо, 2010. – 672 с.
2. Дубовик О.Л. Экологическое право : учебник / О.Л. Дубовик, Л. Кремер, Г. Люббе-Вольфф / отв. ред. О.Л. Дубовик. – Москва : Эксмо, 2005. – 768 с.
3. Экимов А.И. Экологическое право и право устойчивого развития / А.И. Экимов, А.Д. Урсул // Правовое регулирование земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования : международный сборник научных трудов аграрных и юридических высших учебных заведений России, Украины, Белоруссии, Казахстана, других стран СНГ и государств ЕС / отв. ред. Г.Е. Быстров. Т. 2. – Москва : Торжокская типография, 2009. – С. 40–45.
4. Жариков Ю.Г. О применении юридической ответственности за экологические правонарушения / Ю.Г. Жариков // Журнал российского права. – 2010. – № 7 (163). – С. 37–45.
5. Анисимов А.П. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект / А.П. Анисимов, Ю.И. Исакова, Г.С. Працко // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 2. – С. 26–38.
6. Инамова Е.А. Судебная политика России и Казахстана: экологические споры и нормативно-правовые механизмы их разрешения / Е.А. Инамова, С.А. Семикина, А.Н. Юсупова // Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 143–153.

REFERENCES

1. Brinchuk M.M. Environmental Law. 4th ed. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 672 p.
2. Dubovik O.L., Kremer L., Lubbe-Wolff G.; Dubovik O.L. (ed.). Environmental Law. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 768 p.
3. Ekimov A.I., Ursul A.D. Environmental Law and the Law of Sustainable Development. In Bystrov G.E. (ed.). *Legal Regulation of Land Relations, Nature Management and Environmental Protection in Agriculture in Russia, Ukraine, Belarus, Kazakhstan, Other CIS Countries and EU States: The Status, Problems, Ways to Improve. International Collection of Scientific Works of Agrarian and Legal Higher Educational Institutions of Russia, Ukraine, Belarus, Kazakhstan, Other CIS Countries and EU*. Moscow, Torzhokskaya tipografiya Publ., 2009, vol. 2, pp. 40–45. (In Russian).
4. Zharikov Yu.G. On the Application of Legal Liability for Environmental Offenses. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 7 (163), pp. 37–45. (In Russian).
5. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Pratsko G.S. Theory and Practice of Legal Liability for Environmental Offences: A Regional Aspect. *Pravovoy poriyadok i pravovyye tsennosti = Legal Order and Legal Values*, 2024, no. 2, pp. 26–38. (In Russian).
6. Inamova E.A., Semikina S.A., Yusupova A.N. Judicial Policy of Russia and Kazakhstan: Environmental Disputes and Regulatory and Law Enforcement Mechanisms for Their Resolution. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 4, pp. 143–153. (In Russian).

7. Кичигин Н.В. Приостановление, ограничение, прекращение экологически опасной хозяйственной деятельности: Мера юридической ответственности или способ предупреждения причинения экологического вреда? / Н.В. Кичигин // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии : сборник материалов Международных научно-практических конференций «Конституционные основы правового регулирования экологических отношений: от идей к реализации (к 25-летию Конституции Российской Федерации)» (МИИГАиК, 20 декабря 2018 г.) и «Соотношение юридической ответственности в экологической сфере» / отв. ред.: С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев, Н.В. Кичигин. – Москва : МИИГАиК, 2019. – С. 305–309.
8. Османов М.Х. Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Х. Османов. Краснодар, 2010. – 23 с.
9. Куделькин Н.С. Дисциплинарная ответственность за экологические правонарушения / Н.С. Куделькин // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 2. – С. 142–148.
10. Пикуров Н.И. Проблема отграничения экологического преступления от проступка нуждается в кардинальном разрешении / Н.И. Пикуров // Криминалист. – 2022. – № 2 (39). – С. 56–63.
11. Саркисов О.Р. Эколого-правовая ответственность: понятие, содержание, особенности / О.Р. Саркисов, Э.Е. Сафонов // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 230–233.
12. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности / М.М. Бринчук // Lex Russica. – 2016. – № 6. – С. 26–47.
13. Рыженков А.Я. К вопросу о доктринальном понимании принципа ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды / А.Я. Рыженков // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 7 (139). – С. 116–122.
14. Исмагулов К.Е. Некоторые вопросы определения субъекта экологических правонарушений / К.Е. Исмагулов, А.К. Курманова, Д.С. Кажмуратова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 2. – С. 109–114.
15. Кудашев С.Е. К вопросу о преступности в сфере недропользования: проблемы теоретико-правового определения и оценка последствий / С.Е. Кудашев // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 332–336.
16. Шитова Т.В. Теория и практика привлечения к ответственности за нарушение экологического законодательства в России и за рубежом / Т.В. Шитова, В. Травкин // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 2. – С. 59–61.
17. Селезнев В.А. Административная ответственность за нарушение требований в области обращения с отходами / В.А. Селезнев // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 111–128.
18. Калёнов С.Е. О субъектах административной ответственности за нарушения земельного и экологического законодательства / С.Е. Калёнов // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 3. – С. 51–56.
19. Жаворонкова Н.Г. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде / Н.Г. Жаворонкова, Г.В. Выпханова // Lex Russica. – 2018. – № 3 (136). – С. 52–67.
20. Горбачев А.Н. Некоторые аспекты привлечения к ответственности за экологические правонарушения: европейский опыт / А.Н. Горбачев // Право: история, теория, практика : сборник статей и материалов. Вып. 22. – Брянск : Новый проект, 2018. – С. 58–67.
7. Kichigin N.V. Suspension, Restriction, Termination of Environmentally Hazardous Economic Activities: A Measure of Legal Responsibility or a Way to Prevent Environmental Damage? In Bogolyubov S.A., Kamynina N.R., Ponomarev M.V., Kichigin N.V. (eds.). *Constitutional and Legal Foundations of Responsibility in the Field of Ecology. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conferences «Constitutional Foundations of Legal Regulation of Environmental Relations: From Ideas to Implementation (to the 25th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)» (Moscow State University of Geodesy and Cartography, December 20, 2018) and «Ratio Types of Legal Liability in the Environmental Sphere» (Moscow State University of Geodesy and Cartography, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, March 14, 2019).* Moscow State University of Geodesy and Cartography Publ., 2019, pp. 305–309. (In Russian).
8. Osmanov M.Kh. Civil Liability for Environmental Offenses. *Cand. Diss. Thesis.* Krasnodar, 2010. 23 p.
9. Kudelkin N.S. Disciplinary Liability for Environmental Offenses. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2010, no. 2, pp. 142–148. (In Russian).
10. Pikurov N. I. The Problem of Distinguishing an Environmental Crime from a Misconduct Needs to Be Radically Resolved. *Kriminalist" = Criminalist*, 2022, no. 2 (39), pp. 56–63. (In Russian).
11. Sarkisov O.R., Safonov E.E. Ecological and Legal Responsibility: Notions, Content and Particularities. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2015, no. 4, pp. 230–233. (In Russian).
12. Brinchuk M.M. Environmental Responsibility as an Independent Type of Responsibility. *Lex Russica*, 2016, no. 6, pp. 26–47. (In Russian).
13. Ryzhenkov A.Ya. The Issue of the Doctrinal Understanding of the Principle of Responsibility for Violation of Legislation in the Field of Environmental Protection. *Agrarnoye i zemel'noye pravo = Agrarian and Land Law*, 2016, no. 7 (139), pp. 116–122. (In Russian).
14. Ismagulov K.E., Kurmanova A.K., Kazhmuratova D.S. Some Issues of Determining the Subject of Environmental Offenses. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2020, no. 2, pp. 109–114. (In Russian).
15. Kudashev S.E. On the Issue of Crime in the Field of Subsoil Use: Problems of Theoretical and Legal Definition and Assessment of Consequences. *Sovremennyy uchenyy = Modern Scientist*, 2023, no. 6, pp. 332–336. (In Russian).
16. Shitova T.V., Travkin V. Theory and Practice of Prosecution for Violation of Environmental Legislation in Russia and Abroad. *Agrarnoye i zemel'noye pravo = Agrarian and Land Law*, 2019, no. 2, pp. 59–61. (In Russian).
17. Seleznev V.A. Administrative Responsibilities for Violation of Requirements for Wastes Management. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 113–128. (In Russian).
18. Kalyonov S. On the Subjects of Administrative Responsibility for Violation of Land and Environmental Legislation. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii = Issues of Modern Jurisprudence*, 2016, no. 3, pp. 51–56. (In Russian).
19. Zhavoronkova N.G., Vypkhanova G.V. Theoretical and Legal Problems of Compensation for Harm Caused to the Environment. *Lex Russica*, 2018, no. 3 (136), pp. 52–67. (In Russian).
20. Gorbachev A.N. Some Aspects of Prosecution for Environmental Offenses: European Experience. *Law: History, Theory, Practice. Collection of Articles and Materials.* Bryansk, Novyy projekt Publ., 2018, iss. 22, pp. 58–67. (In Russian).

21. Устюкова В.В. Охрана земель как основного компонента окружающей среды и сохранение их ресурсного потенциала / В.В. Устюкова, Г.Л. Землякова // Образование и право. – 2018. – № 9. – С. 117–127.

22. Князев М.А. Российское государство как субъект возмещения экологического и экогенного вреда / М.А. Князев / отв. ред. М.М. Бринчук. – Москва : МАСКА, 2010. – 181 с.

23. Анисимов А.П. Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования / А.П. Анисимов, В.В. Устюкова, А.Ю. Чикильдина // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – № 4. – С. 133–161.

24. Нигматуллина Э.Ф. Вина как основание ответственности недропользователя / Э.Ф. Нигматуллина // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии : сборник материалов Международных научно-практических конференций «Конституционные основы правового регулирования экологических отношений: от идей к реализации (к 25-летию Конституции Российской Федерации)» (МИИГАиК, 20 декабря 2018 г.) и «Соотношение видов юридической ответственности в экологической сфере» (ИЗиСП, МИИГАиК, ИЗиСП, 14 марта 2019 г.). – Москва : МИИГАиК, 2019. – С. 343–348.

25. Барбашова Н.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения / Н.В. Барбашова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 196–206.

26. Абезин Д.А. Административная за нарушение правил использования, охраны и защиты лесов / Д.А. Абезин, Э.В. Голоманчук, А.Е. Шульга // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2. – С. 14–17.

21. Ustyukova V.V., Zemlyakova G.L. Protection of Lands as The Main Component of the Environment and Preservation of Their Resource Potential. *Obrazovaniye i pravo = Education and Law*, 2018, no. 9, pp. 117–127. (In Russian).

22. Knyazev M.A., Brinchuk M.M. (ed.). The Russian State as a Subject of Compensation for Environmental and Environmental Harm. Moscow, Maska Publ., 2010. 181 p.

23. Anisimov, A.P., Ustjukova, V.V. and Chikil'dina, A.Y. Environmental (Ecological) Liability: The Problem of Definition. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2017, no. 4, pp. 133–161. (In Russian).

24. Nigmatullina E.F. Wines as the Basis of Responsibility of the Subsoil User. *Constitutional and Legal Foundations of Responsibility in the Field of Ecology. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conferences «Constitutional Foundations of Legal Regulation of Environmental Relations: From Ideas to Implementation (to the 25th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)» (Moscow State University of Geodesy and Cartography, December 20, 2018) and «Ratio Types of Legal Liability in the Environmental Sphere» (Moscow State University of Geodesy and Cartography, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, March 14, 2019).* Moscow State University of Geodesy and Cartography Publ., 2019, pp. 343–348. (In Russian).

25. Barbashova N.V. Civil Liability for Environmental Crimes Characteristics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2016, no. 6, pp. 196–206. (In Russian).

26. Abezin D.A., Golomanchuk E.V., Shulga A.E. Administrative Liability for Violation of the Rules for the Use, Conservation and Protection of Forests. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii = Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*, 2017, no. 2, pp. 14–17. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никишин Владислав Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikishin Vladislav Vasilievich – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 20.08.2024.
The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.